

НАУМЕНКО Владимир Емельянович
кандидат исторических наук, профессор,
начальник отдела комплексных проблем изучения культуры
Южного филиала Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева,
Краснодар, Россия

Vladimir E. NAUMENKO

Cand. Sci. (National History), Prof., Head,
Department for Complex Issues of Cultural Research,
Southern Branch of the Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage
vladimirnaumenko.krd@gmail.com

Деятельность кубанских историков по охране культурного наследия региона (XIX – начало XX в.)

Статья посвящена становлению кубанского краеведения, мощный импульс развитию которого был дан в конце XIX - начале XX вв. В это время сформировалась плеяда провинциальных историков, деятельность которых стала значительным вкладом в науку и культуру региона. Их усилиями удалось поставить дело охраны памятников на государственную основу. При их участии была разработана местная законодательная база, которая во многом опережала и дополняла российское законодательство по данному вопросу. Кубанскими историками в деле охраны памятников культуры использовались разнообразные методы просветительской работы: лекции, издание популярных брошюр, экскурсии, публикации в периодической печати, музейные экспозиции и т. д. Опыт, накопленный историками Кубани в исследуемый период, может быть с успехом использован и в наши дни в деле охраны памятников истории и культуры.

Ключевые слова: Кубань, краеведение, охрана историко-культурного наследия, наука, культура.

Activity of the Kuban Historians on the Protection of the Region's Cultural Heritage in the 19th - the Early 20th Century

The article is devoted to the formation of the Kuban regional studies, a powerful impulse to the development of which was given in the late 19th - the early 20th centuries. At that time, a constellation of provincial historians was formed, whose activities became a significant contribution to the science and culture of the region. By their efforts the protection of monuments was put on a state basis. With their participation a local legislative framework was developed, which outstripped and supplemented general line of development of the Russian legislation on this issue in many respects. In the protection of cultural monuments Kuban historians used various methods of educational work: lectures, publication of popular works, excursions, publications in the periodical press, museum expositions, etc. The experience accumulated by historians of the Kuban during the studied period can be successfully used for the protection of historical and cultural monuments in our days.

Keywords: Kuban, Regional Studies, protection of historical and cultural heritage, science, culture.

В год 110-летия со дня рождения академика Д. С. Лихачева неизмеримо возрос интерес российской научной общественности, в частности, среди культурологов, к его творчеству. Эта сторона научных интересов Дми-

трия Сергеевича отмечается и зарубежными исследователями его творчества, такими, например, как британский литературовед Робин Милнер-Галланд, опубликовавший в шотландском журнале "Slavonica" статью о его научной

деятельности, в которой охарактеризован вклад одного из величайших отечественных исследователей прошедшего столетия в мировую славистику [34].

Выдающийся отечественный культуролог А. С. Запесоцкий отмечал: «Взгляд Дмитрия Сергеевича на историю – это, безусловно, взгляд культуролога. По Лихачеву, история России – это история ее культуры» [13, с. 137]. В определенном смысле слова, эта общая характеристика его творчества, и она не противоречит другим важным «точечным» аспектам его научных интересов, относящихся, например, к определению места и роли русской интеллигенции, отношению к краеведам и краеведческому движению, охране культурного наследия и др. Исследователь вполне справедливо подметил, что «труды академика – настоящий гимн русской интеллигенции» [13]. В одной из своих работ Дмитрий Сергеевич дал замечательную характеристику передовой русской дореволюционной интеллигенции «как некому духовному сообществу» [23, с. 3-9]. В российской истории культуры эти духовные сообщества воплотились на региональном уровне в создании, в том числе, краеведческих объединений, которые функционировали по всей России. Одним из таких объединений было «Общество любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО), созданное на Кубани. Изучение деятельности этого общества, объединившего представителей провинциальной культуры, дает представление о широте и многообразии его деятельности. Жанр статьи не дает возможности раскрыть и охарактеризовать в полном объеме все направления исследовательской, просветительской, организационной работы участников этого объединения. Выбор одного из направлений, а именно охрана культурно-исторического наследия, в деятельности общества не случаен. Во-первых, в нем как бы сконцентрированы все основные направления деятельности «Общества», во-вторых, именно на этом поприще сложились богатые краеведческие традиции Кубани, и появилась плеяда замечательных историков-краеведов, ставших знаковыми фигурами провинциальной культуры.

Охрана культурно-исторического наследия на Кубани имеет давнюю традицию. Зарождение интереса к древностям связано

в нашем крае с первыми шагами пребывания здесь Черноморского казачьего войска. Казаки, за которыми закрепилось несущее огромный смысл название – «рыцари Православия», прибыв на Северо-западный Кавказ, конечно, знали о проповеднической деятельности на этих землях апостола Андрея Первозванного. Они столкнулись с обильными остатками материальной культуры, ранее проживавших здесь народов. К моменту прибытия на Кубань запорожских казаков здесь в большом количестве сохранились рудименты культурного наследия живших здесь в прошлом народов: развалины православных храмов, монастырей, остатки материальной культуры Тмутараканского княжества, древнегреческих и гетуэзских поселений, памятники культуры кочевых народов облюбовавших эти благодатные земли. Многие из истории этого края нашло отражение в фольклоре народов Кавказа, воспринятом впоследствии и поселившимися здесь казаками. Имеются упоминания об этом в отдельных письменных источниках [32]. Традиции материальной прошлых эпох культуры были отражены и в возведенных казаками первых архитектурных сооружениях. В 1793 г. был основан Свято-Покровский храм (ст. Тамань) - первая казачья церковь на Кубани, - который повторяет элементы византийского и древнегреческого храмового зодчества, представленного здесь на Северо-Западном Кавказе задолго до поселения казаков [9], [21, с. 28-30].

Но представить дело таким образом, что казачеством в тот период было понятно происхождение многих памятников материальной культуры, осознавалась их научная ценность, а, следовательно, необходимость их регистрации и охраны, было бы не совсем верно. Приведенные выше примеры были скорее исключением.

Историю письменного фиксирования памятников культуры на Кубани можно разделить условно на два крупных периода (это не исключает, однако, и более дробного деления). Первый период самый длительный. Он связан с растянувшимся на несколько столетий процессом вхождения Северного Кавказа в состав России. Хронологические рамки этого этапа мы считаем с XVI в. по середину XIX в. Этот этап не весь входит во временные рамки

нашего исследования. Второй период, после окончания так называемой Кавказской войны, в результате которой произошло присоединение Северокавказских земель к России. Официальной датой этого события установлен 1864 г. (начало этапа). Окончание этого этапа – 1917 г., когда прекратила свое существование Российская империя.

Первый период отличает скудность сведений о памятниках культуры. Этому есть объяснение, т. к. ни многочисленные адыгские племена, ни ногайцы, проживавшие в этом регионе, не имели своей письменности. Византийские, а затем турецкие источники, свидетельства иностранных путешественников мало изучены. А те из них, что включены в научный оборот, имеют иные цели¹.

Наличие первых систематических знаний о памятниках культуры, оставшихся от древних времен, связано с постоянным присутствием на Кавказе русских, начиная с XVIII в. Первые попытки их проникновения на Кубань в новое время связаны с именем Петра I и появлением в 1733 г. на Кубани русских войск. С 70-х гг. здесь появляются уже постоянные военные укрепления, а в 1792-1793 гг. было создано черноморское казачье войско, которое заняло правый берег Кубани от устья до ст. Васюринской [16].

Вскоре происходит освоение Закубанских территорий и переселение сюда казачьих станиц, поближе к предгорьям. В 1864 г. завершается процесс присоединения Северо-западного Кавказа к России. Таково схематическое изображение исторических событий, являющихся рубежом, своего рода точкой отсчета, с которой мы можем судить о зарождении устойчивого интереса русского общества к памятникам культуры Кубани. Этими событиями обусловлен второй период, связанный с развитием знания о памятниках культуры Кубани, и он приходится в основном на пореформенный период.

В это время имели место процессы интеграции Северо-Западного Кавказа в политическую, экономическую, культурную жизнь российского государства. В регионе произошли мощные сдвиги в экономическом и культурном развитии. Активизировалось освоение

новых территорий, недр, возросли масштабы распашки земель под посевы зерновых культур, осуществлялась во всевозрастающем объеме вырубка лесов, прокладывались дороги, расчищались места под новые станицы и города, т.е. шло экстенсивное освоение края. Известная бесконтрольность, а иногда и попустительство властей приводили к безвозвратному уничтожению памятников культуры. Например, строительный материал, из которого были сооружены древние постройки, шел на возведение объектов хозяйственной деятельности вновь прибывающего населения. Нидерландский посланник в Одессе Тебу-де-Мариньи, посетивший г. Новороссийск 9 июня 1839 г., писал в своих воспоминаниях: «...В бухте Тсемес, куда я прибыл 9 июня, на берегу рождающегося города Новороссийск существуют еще следы древней постройки. Я поспешил снять с нея план, потому что скоро не останется от нея ровно ничего: камни отсюда разбираются на постройку новых зданий. Курганов в постройке этой, представляющей род укрепления, не заметно, но их много к юго-востоку, поднимаясь отсюда к южному форту Новороссийска и оттуда к морю. Значительная часть их раскопана уже из любопытства или уничтожена вследствие новых построек Русского поселения» [24, с. 630]. В массовом порядке разбирались уникальные древние сооружения – дольмены, огромные камни которых шли на фундаменты домов прибывающего населения, на сооружение мельничных жерновов и т.п. [25, с. 4]. Такое положение дел объяснялось вполне конкретными объективными и субъективными причинами. Во-первых, шла Кавказская война. Во-вторых, обустройство казачества на новых землях, хотя и имело характер целенаправленных действий государства, зачастую осуществлялось по принципу – лес рубят - щепки летят. В-третьих, совершенно отсутствовала нормативно-правовая база охраны культурного наследия в стране. В-четвертых, низкий культурный уровень населения и т.д. Осознанию важности мероприятий по охране памятников культуры значительной частью населения края предшествовала многолетняя деятельность представителей местной интеллигенции и особенно кубанских историков.

¹ См. работы Э. Спенсера, Дж. Де Лукки, И. Шильтбергера, И. Бламберга и др.

Впервые на Кубани вопрос об охране памятников культуры поднимает выдающийся деятель региональной культуры, просветитель кубанского казачества К. В. Россинский. В первые десятилетия поселения Черноморского казачества на Кубань им много внимания уделялось вопросам изучения и сохранения культурно-исторического наследия. Исследователь его подвижнической деятельности М. Ю. Горожанина отмечает, что, изучая Черноморию, К. В. Россинский не мог оставаться равнодушным к археологическим находкам. Он стремился посредством их изучения получить новые данные и сохранить наиболее уникальные из них для потомков. С этой целью им был создан в Екатеринодарском уездном училище мини-музей археологических древностей, где хранились экспонаты, найденные им на Таманском полуострове и в районе Ангелиновского лимана. И хотя специального труда по археологии у К. В. Россинского нет, тем не менее, его вклад в изучение древней истории Кубани хорошо виден из переписки с П. И. Кепенном, которого протоиерей постоянно держал в курсе всех археологических исследований в Черномории. Так, в 1819 г. К. В. Россинский сообщал П. И. Кепенну об уникальной находке древних камней близ Агденизовки. Отправившись туда и лично занявшись изучением древних камней, К. В. Россинский не только сделал перевод древнегреческих записей, имеющих на них, но и установил, что в древности в районе Агденизовки находился большой греческий город, остатками стен которого и являются найденные им камни. Несмотря на то, что К. В. Россинский никогда не занимался целенаправленным археологическим исследованием Черномории, его бережное отношение к археологическим находкам значительно облегчило поиски будущих исследователей. Примечательно, что К. В. Россинский был первым из исследователей Черномории, который уделял должное внимание археологическим находкам. Именно им положено начало созданию подробного археологического описания древностей Черномории [10, с. 28-29].

Усилению внимания к охране памятников культуры на местах способствовала и деятельность центральных органов власти Российского государства. Впервые вопрос об охране памятников архитектуры был поставлен на

государственном уровне при Николае I. По инициативе императора 31 декабря 1826 г. издается циркуляр МВД, предписывавший выявлять на местах памятники архитектуры и организации их охраны. Документ обязывал губернаторов сообщать сведения о наличии и состоянии в губерниях древних зданий. Запрещалось разрушать эти объекты и т. п. В первой половине XIX в. указами Сената и Синода, циркулярами МВД и других центральных правительственных учреждений предпринимались активные действия по сбору информации о памятниках культуры, составлению их реестров, принимались решения о запрещении слома наиболее интересных в историческом плане построек. Важной составляющей государственных актов было запрещение несанкционированных раскопок, утаивания найденных предметов старины. В целях организации работы по сохранению памятников культуры предлагалось создание научных обществ в обязанности, которых входила бы и охрана памятников. Вместо конкретной работы много времени тратилось на бюрократические процедуры. Не было единого органа, где были бы сосредоточены вопросы охраны памятников культуры. В эту работу привносился и субъективный фактор, связанный с огромным влиянием царя и царского двора на указанные процессы.

В 1859 г. во многом для решения этих вопросов была создана Императорская Археологическая комиссия. Основной задачей комиссии была признана работа по организации археологических раскопок на территории государства. Одновременно с этим для всех государственных учреждений Археологическая комиссия являлась головным учреждением по широкому кругу вопросов, связанным с охраной памятников культуры. Законодательная база, обеспечивающая охрану памятников культуры, серьезно запаздывала от потребности решать назревшие вопросы. Одной из причин оставалась теоретическая непроработанность терминологии. Существовало различие в понятии «памятник древности». Можно ли было считать памятники российской истории, объектами, подлежащими охране? Т. е., не были определены критерии, по которым объект историко-культурного наследия мог быть отнесен к числу памятников, подлежащих охране.

Вместе с тем законодательное решение этих вопросов стало насущной необходимостью. Значительное внимание этой проблеме уделяло Московское археологическое общество, по инициативе которого стали проводиться Всероссийские археологические съезды. На I съезде, состоявшемся в Москве в 1869 г. был представлен разработанный МАО «Проект мер охранения памятников старины». Анализ этого документа дает основание считать, что это был, с точки зрения юриспруденции, не законопроект в готовом виде. Документ обозначал необходимые меры для организации на государственном уровне работы по сохранению «памятников старины от повреждения или от разрушения». Документ предусматривал составление списка памятников и их регистрацию. Намечались меры по объединению усилий общественности и государственных органов в деле охраны памятников.

Идеи «Проекта мер охранения памятников старины» были приняты I Археологическим съездом за основу. В доработанном виде он был представлен II Археологическому съезду в 1871 г., после одобрения которым был направлен на рассмотрение государственным органам. Главным положением в проекте было создание Императорской комиссии о сохранении исторических памятников, которая создавалась при Министерстве народного просвещения. Дело по созданию комиссии не было доведено до конца. Министерством финансов ей было отказано в финансировании. Тем не менее, этот документ повлиял на понимание государственными структурами важности организации работы по охране памятников древности. Заинтересованными структурами были изданы указы и распоряжения по данному вопросу, что напрямую повлияло и на создание законодательной базы на местах. На этом этапе в региональной истории охраны памятников культуры Кубани четко определилось несколько вех, связанных с совершенствованием дела охраны памятников культуры.

Заметным в деле охраны памятников культуры было событие, связанное с созданием в станице Ключевской музея командиром Псекупского полка И. Д. Попко, впоследствии известного историка. В июне 1864 г. он обратился к начальникам станиц, входивших

в полк, со специальным посланием. В нем он обратил внимание на следующее: черкесы, населявшие ранее эти места, не оставили монументальных памятников, аулы быстро разрушаются, и долг новых жителей сохранить то, что пока еще уцелело. Полковой музей был установлен рядом со штабом, на полковом дворе, где было поставлено перенесенное из покинутого аула абадзехское жилище, и в нем были помещены экспонаты. В музее было три отделения: этнографическое, палеонтологическое и минералогическое. Там же хранились и археологические находки.

Заметный след в сохранении культурного наследия края внес историк краевед полковник Н. Л. Каменев. В 1866 г. в долине р. Псекупс он вел официальные раскопки. С его именем связан начальный этап систематического изучения и описания памятников культуры Кубани. Им, была предпринята первая попытка создать хронологическую периодизацию курганов Закубанья и увязать выделенные типы с народами, известными по письменным источникам и преданиям. Н. Л. Каменев попытался локализовать предметы культуры, наблюдаемые в раскопках, обосновать датировки предметов. Его по праву считают пионером археологии на Кубани.

Кубанские историки В. М. Сысоев, К. Т. Живило, И. Е. Гладкий, Е. Д. Фелицын, Ф. А. Щербина, П. П. Короленко и многие другие вели активную разъяснительную работу по охране памятников культуры через периодическую печать, публичные лекции, проведение экскурсий, работу войскового музея и т.п. Систематически материалы о случайно найденных древностях публиковались на страницах газеты «Кубанские войсковые ведомости». Это поддерживало общественный интерес к делу охраны памятников культуры области, что давало положительные результаты.

Так, в станице Тульской Майкопского отдела была разоблачена шайка кладоискателей, у которых было отобрано исторических ценностей на сумму 1000 рублей. Атаманом станицы Таманской было привлечено к ответственности до 50 человек за незаконное кладоискательство [25, с. 10] [25, с. 13]. В приказе наказного атамана Кубанского казачьего войска, генерал-лейтенанта графа Сумарокова-Эльстона, в связи с находкой древнего

золота близ ст. Ново-Александровской, было обращено внимание местного начальства и всего населения на действия, приведшие к сохранению «древних и дорогих редкостей, скрытых в земле Кубанской» [16].

Следующий этап в деле охраны памятников культуры на Кубани связан с именем выдающегося кубанского историка Е. Д. Фелицына. Разнообразие его интересов и направлений деятельности остается только удивляться. Большую работу историк провел по увековечиванию памяти М. Ю. Лермонтова. Осенью 1879 года он совершил поездку в Тамань, где исследовал места пребывания поэта. Им были сделаны рисунки и описание хаты казака Мысника, где останавливался поэт. Эти материалы были опубликованы первым биографом Лермонтова П. А. Висковатым [14, с. 19-21].

Занимаясь историей Кубанской области, Е. Д. Фелицын глубоко изучил историю Кубанского казачества и горских народов. Современники высоко оценивали его деятельность. На V археологическом съезде в Тифлисе о нем говорилось: «Находясь вдали от главнейших центров науки, единоличным трудом, при ничтожных средствах, он смог накопить необходимый материал для создания священного здания науки и стать энциклопедией Кавказа, живой летописью его» [27].

В стремлении познать древнюю историю народов, населяющих Северный Кавказ, он с большим энтузиазмом занимался археологией края, выявлением, описанием, сбором и охраной памятников материальной культуры. В 1879 г. он обнаружил в Екатеринодаре и отправил в Москву две греческие плиты, считавшиеся уже потерянными для науки, на которых значились имена Левкона, царя синдов и Ксеноклида (IV в. до н. э.). В начале XIX века они были найдены казаками и до 1846 г. хранились в церкви станицы Ахтанизовской [18].

Усилия историка по охране памятников культуры были высоко оценены V археологическим съездом, проходившим в Тифлисе в сентябре 1881 г., в подготовке которого он принимал деятельное участие. Здесь же на съезде он вносит важное в деле охраны памятников культуры предложение о создании археологической карты России. Цель такого картографирования он видел в предотвращении

хищнических раскопок и утрате памятников. В 1882 г. Императорским Московским археологическим обществом издается археологическая карта древностей Кубанской области, предоставленная Е. Д. Фелицыным, с обозначением памятников знаками, утвержденными Стокгольмским археологическим съездом. Это была первая археологическая карта в России [4]. На карте, которая не потеряла своего значения в деле охраны памятников и сейчас, помечены места нахождения курганов, древних христианских храмов и часовен, памятники исламской культуры, каменные статуи, гробницы, дольмены и т. п. Многие из отмеченных на карте памятников были впервые им описаны. Он постоянно своими публикациями привлекал общественное мнение к необходимости сохранения древностей. Он использовал любую возможность (выступления в печати и перед аудиторией, организацию раскопок, транспортировку находок в места хранения, привлечение внимания руководства области и заинтересованных инстанций в столице и т. д.) для защиты памятников культуры.

В феврале 1879 г. в Политехническом музее (г. Москва) он выступает с научным докладом «Кубанские древности: дольмены – богатырские дома», который был встречен с заинтересованностью.

Е. Д. Фелицын исследовал и описал более 700 мегалитических гробниц, во многих он обнаружил обильные остатки материальной культуры народов, населявших Кубань в древности. Им были сняты копии орнаментов, нанесенных на обработанные поверхности плит. Историк вел обстоятельный журнал раскопок. На материале этого журнала в дальнейшем была написана книга «Западно-Кавказские дольмены» [17, с. 10].

Вместе с тем, усилия ученого по пропаганде бережного отношения к памятникам культуры края не всегда находили отклик у земляков. В крае имели место «масса раскопок большей частью со спекулятивной целью, ...курганы, другие земляные сооружения под различными предлогами разрываются и сглаживаются с лица земли, не оставляя по себе никаких следов, ...статуи и другие каменные памятники, имеющие столь важное значение в археологической науке, или уносятся с мест первоначального их нахождения и употребля-

ются под постройку домов, или же просто разбиваются на куски, уничтожаются» [11, с. 9] Таким образом, одних просветительских мер оказалось для улучшения дела охраны памятников не достаточно.

Е. Д. Фелицын инициирует принятие мер административного воздействия для совершенствования работы по охране памятников древности.

Им было разработано циркулярное письмо, подписанное Начальником Кубанской области, которое 19 декабря 1883 г. было направлено станичным, сельским, поселковым, аульным, слободским и колониетским правлениям Кубанской области.

В циркуляре предписывалось «в ограждение на будущее время научных интересов государства, озабоченного повсеместным сохранением вещественных памятников древности в пределах России» станичным, сельским, аульным, поселковым, слободским и колониетским правлениям «принять все зависящие от них меры к охранению от самопроизвольных раскопок, разрушения и расхищения памятников древности, находящихся в районе подведомственных им земель» [20]. В качестве мер по охране памятников культуры определялся круг лиц, имеющих право вести работу с памятниками на территории области: члены Императорской Археологической Комиссии, члены других ученых обществ, командированных специально для археологических изысканий, имеющие письменное разрешение начальника области.

Раскопки, производимые с разрешения областного начальства, должны быть обеспечены особо доверенными лицами от станичных и равных с ними правлений, «которые обязаны безотлучно находиться при раскопках до их окончания. Лица, производящие раскопки, обязаны представлять в местные правления копии журналов своих раскопок с подробным описанием найденных вещей. Журналы с описями вещей предписывалось доставлять начальнику области с указанием фамилий лиц, которым общество доверяло присутствовать при раскопках.

Циркуляром предписывалось в отношении случайных находок, найденных жителями при распашке земли, копании колодцев, погребов, при постройке зданий, обязатель-

но передавать в местные правления, которые обязаны направлять их начальнику области для последующей отправки в Императорскую Археологическую комиссию.

Лиц, утаивающих находки и тайно производящих раскопки, а разрушающих или портящих памятники древности, предлагалось незамедлительно «подвергать законной ответственности».

В целях контроля действий местных правлений по охране памятников древности предлагалось «теперь же приступить к составлению по прилагаемой (к циркуляру — В. Н.) форме подробных описей всех вещественных памятников древности, находящихся в районе подведомственных им земель, с тем, чтобы опись эта была составлена в течение шести месяцев со дня получения настоящего циркуляра и хранилась в делах правления» [25, с. 7].

Циркуляр начальника области был объявлен жителям на сходах общества и был вывешен в присутственных комнатах правлений для руководства жителям.

Важным было и то, что в циркуляре четко прописывалось, что подразумевается под понятием «памятники древности». К ним были отнесены: курганы, древние крепости или городки, земляные и каменные валы и окопы, погребальные пещеры, каменные статуи, изображающие человеческие фигуры и известные в народе под именем каменных баб, древнегреческие христианские церкви и магометанские часовни, надгробные каменные кресты и плиты с письменами, каменные башни, развалины древних колоний, плитовые каменные сооружения, называемые богатырскими домами (дольмены), древние могилы и многие другие вещественные памятники старины.

Принятые по инициативе историка Е. Д. Фелицына меры по охране памятников культуры давали свои положительные результаты. В 1888 г. у станицы Крымской жителями была обнаружена каменная гробница в обвалившемся кургане Карагодеуашх. Действуя в полном соответствии с предписаниями циркуляра, местные власти предотвратили расхищение памятника. Об этой находке сообщили Е. Д. Фелицыну. Он, в свою очередь, уведомил о ней телеграммой Императорскую Археологическую комиссию в Петербурге и, получив

разрешение на раскопки, приступил к исследованию. Найденные в кургане золотые украшения и предметы были датированы концом IV в. до н. э. Это свидетельствовало об открытии памятника мирового значения. Находки были отправлены в Эрмитаж [17, с. 10].

Большой вклад внес Е. Д. Фелицын и в сохранение памятников культуры горских народов. Им была проделана огромная подготовительная работа по изучению географического словаря Кубанской области, по изучению истории и географии расселения адыгов. По этому вопросу им был опубликован солидный труд «Численность горских и других мусульманских народов Кубанской области, с распределением их по месту жительства и с показанием племенного состава жителей каждого аула» [31]. Собирался историк написать и об известных черкесских фамилиях. Удачной в этом плане выглядит опыт написания большого очерка «Князь Сефер-бей Зан (политический деятель и поборник независимости черкесского народа)» [30]. Для написания указанных трудов Е. Д. Фелицын изучал и использовал фольклор адыгских народов, сам он знал многие черкесские наречия. Этим он письменно фиксировал народные предания, легенды, сказания, что, несомненно, стало не только формой сохранения памятников устного народного творчества, но и введения их в научный оборот.

Важной составляющей сохранения материальной культуры горских народов в деятельности Е. Д. Фелицына было изучение их пищи. Им были открыты неведомые для науки целебные свойства карачаевского кефира. Карачаевцы традиционно этим напитком успешно лечили многие болезни, в том числе туберкулез, рак, малокровие, кожные, детские болезни, болезни желудочно-кишечного тракта. В 1879 г. на очередную выставку в Москву вместе с предметами быта горцев он направляет и карачаевский кефир. Продукт был исследован профессорами А. Богдановым и Э. Корном, результаты лабораторного анализа кефира были опубликованы в газете «Кубанские областные ведомости» [19]. Неопровержимость полезности напитка потребовала поставить его производство на промышленную основу. С легкой руки кубанского историка в Москве и Тифлисе открываются мастерские по

приготовлению карачаевского кефира, а в Екатеринодаре у Городского сада было открыто кафе, где подавался кефир как профилактическое средство и диетическое блюдо [17, с. 11]

Бережное отношение к памятникам культуры и истории характерная черта в деятельности Е. Д. Фелицына. В круг его интересов входила и охрана памятников, памятных мест, связанных с русской историей. Им были описаны и сфотографированы памятник императору Александру II у станицы Царской, памятник сотнику Горбатко. Он подавал предложения по сооружению памятников воинской славы на территории Кубанской области. Им были разработаны церемониалы проведения празднования важнейших исторических праздников и событий, которые стали традиционными и праздновались на Кубани в XIX - начале XX в. По сути, он стоял у истоков сложения светской кубанской казачьей обрядности. Принимал он участие и в разработке идеологии памятника Екатерине II в Екатеринодаре, выполненного известным скульптором М. О. Микешиним. Е. Д. Фелицын создал «исторический образ» этого памятника. В 1882 г. на заседании Кубанского областного Статистического комитета он выступил с сообщением о предстоящем столетнем юбилее переселения Черноморского казачьего войска на Кубань, столетии основания Екатеринодара и подал предложение об установке в городе памятника Екатерине II. Идея памятника представлена скульптурной группой, которая состояла из «колоссальной статуи императрицы в царственной порфире, со скипетром и державой в руках, в позолоченной короне, из-под которой ниспадает длинный свиток. У основания фигуры – князь Потемкин-Таврический, войсковой судья Черноморского войска Антон Головатый, кошевой атаман Сидор Белый и войсковой есаул Захарий Чепега. По другую сторону были помещены знамена и войсковые знаки, пожалованные императрицей новому краю и его войску. С задней стороны памятника были помещены фигуры слепца-кобзаря и его поводыря. Здесь же был текст песни кобзаря. На фасаде помещался список побед Черноморского, а позднее – Кубанского казачьего войска, список побед героев, изображенных на памятнике. По нижнему цоколю, вокруг пьедестала, перечислялись все кубанские атаманы» [15, с. 97].

Велика роль Е. Д. Фелицына в описании и организации хранения реликвий казачьей истории – регалий Кубанского казачества. Фотографии знамен, булав, перначей, грамот, сделанные лично им, более девяноста лет до возвращения их на родину являлись единственным вещественным документом в России, сохранившим их внешний облик.

Этапным событием в деятельности Е. Д. Фелицына по сохранению памятников культуры и истории Кубани стало открытие Кубанского Войскового этнографического и естественнонаучного музея. Этот музей – главное его детище, которое он лелеял, о котором он заботился до последних дней своей жизни. Музей представлялся ему научным, собирательным, экспозиционным учреждением комплексного и регионального характера. Комплексный характер краеведческого музея выражался в его структуре и методах исследовательской и собирательной работы в регионе. Структура отделов музея могла варьироваться в соответствии с природными и культурными особенностями региона, но непременно включала отделы естественно-исторический и культурно-исторический. Идею основу комплексного метода составил пространственно-временной подход к изучению культуры [22, с. 199]. Кубанский войсковой музей был основан Е. Д. Фелицыным в 1879 г. одновременно с Кубанским областным статистическим Комитетом [6]. В основу музея легли личные коллекции Фелицына, предметы этнографии, нумизматики, археологии. За многие из них он платил из своего небольшого жалования. Впервые свою коллекцию историк предоставил в 1878 г. на выставке Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в Москве. Оргкомитет высоко оценил труды Фелицына, наградив его золотым жетоном. Впоследствии он становится членом Комитета выставок этого общества [33, с. 491]. Трудам Е. Д. Фелицына по сохранению исторического наследия мы обязаны наличием одной из лучших в России коллекций каменных половецких статуй, которые историк свозил со всей Кубани. Эта коллекция была первой, именно она положила начало музею. В 1879 г. он опубликовал ее с выпол-

ненными самим фотографией в специальном альбоме Войскового музея. Уже тогда коллекция насчитывала более 20 «баб».

Благодаря заботам Е. Д. Фелицына музей превратился в центр развития научного краеведения на Кубани. Здесь велась научная разработка, в том числе и проблем сохранения культурного наследия области. Важной составляющей этой работы стала организация различных экспедиций по изучению области, описание станиц и городов [26, с. 576]. В 1899 г. по инициативе Евгения Дмитриевича была организована экспедиция членами Общества любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО) в Карачай. Итогом ее работы стал подробный отчет об экспедиции и коллекция предметов быта горцев, выполненных местными мастерами из дерева.

Усилиями Е. Д. Фелицына и его соратников в деле охраны памятников культуры Кубани вокруг музея сформировался большой коллектив внештатных сотрудников любителей. Активистами движения становились представители интеллигенции, священники, чиновники, мещане, простые казаки и представители казачьей интеллигенции, крестьяне, представители горских народов. Они заботились о пополнении коллекций, поддерживали разрушающиеся археологические памятники.

Е. Д. Фелицын был бессменным директором музея и хранителем исторических памятников – с 1879 по 1903 гг., то есть до своей смерти. За эти годы он сумел привлечь к музейной работе многие местные научные и краеведческие силы.

С 1897 г. ближайшим помощником Фелицына в работе по организации и деятельности музея стал учитель Екатеринодарской гимназии В. Сысоев. В значительной степени им же после смерти Е. Д. Фелицына была продолжена деятельность по охране памятников культуры Кубани.

Еще с университетской скамьи В. М. Сысоев увлекается археологией, изучением памятников древности. Его первые научные публикации были замечены научной общественностью. 29 февраля 1892 г. он был избран членом-корреспондентом Московского археологического общества. По поручению общества летом 1892 г. он приступает к ис-

следованию дольменов в Закубанье. Им был обследован обширный район в междуречье Абина и Белой. Результатом экспедиции стало описание 146 дольменов [28, с. 126].

В 1894 г. он переезжает на постоянное жительство в Екатеринодар. На протяжении 90-х гг. он проводит интересные археологические исследования. Например, в 1895 г. изучает верховья реки Кубани, бассейны рек Зеленчук и Теберда на предмет выявления памятников культуры. В этой же экспедиции он детально описывает древнейшие памятники христианства в крае - Зеленчукский и Сентинский монастыри [33, с. 449]. В 1896 г. им производятся раскопки Курджипского кургана, а в 1897 г. исследуется курган близ аула Габукай. В эти же годы выходит его работа «Краткий археологический очерк Кубанской области и Черноморской губернии». Очерк содержал уникальные сведения, добытые в основном автором, об археологических памятниках края. Много места в изложении занимали легенды о происхождении тех или иных дольменов, о древнерусском Тмутараканском княжестве, описание различных находок.

В. М. Сысоеву удалось привлечь к делу охраны памятников культуры известных ученых. Так, в эти годы он активно сотрудничает с профессором Санкт-Петербургского университета Н. И. Веселовским. Ими проводилась системная работа по изучению древностей Кубани. В какой-то степени промежуточным итогом их совместной работы была организованная в Петербурге археологическая выставка исторических памятников Кубани, имевшая большой успех.

Большую помощь в этот период В. М. Сысоев оказывает Е. Д. Фелицыну в сборе экспонатов для Кубанского войскового музея. Им на общественных началах осуществляется перепись музейной коллекции. В 1897 г. им был издан «Краткий указатель археологических, естественноисторических и этнографически-промышленных вещей и предметов, имеющих при Кубанском областном статистическом комитете» [29].

Коллекция музея в этот период насчитывала более 2 тысяч предметов по истории и археологии, около 1 тысячи монет и более 600 экспонатов по этнографии. В 1898 г. он возглавляет экспедицию в Карачай. Ее итогом

стали собранные уникальные сведения по этнографии, истории, археологии, экономике, метеорологии, геологии и природе этого удаленного уголка Кубани, тем самым было положено начало комплексному изучению области местными научными силами.

Большой вклад в дело охраны памятников культуры внесли последователи Е. Д. Фелицына, его приемники на посту директора музея, известные представители кубанской интеллигенции: В. А. Щербина (1903-1907), К. Т. Живило (1907-1910), И. Е. Гладкий (1910-1921). Их стараниями в Войсковом музее были собраны и сохранены казачьи реликвии, предметы кубанской истории. В деле охраны памятников культуры ими были предложены и осуществлены интересные формы работы. На базе музея была, по сути, создана полномасштабная структура, работающая на сохранение памятников культуры региона. Так, при музее был создан Совет общественных сотрудников-любителей Войскового музея. В Совете были представители интеллигенции города и области, учителя школ и гимназий, священнослужители, атаманы станиц и отделов, чиновники, представители полиции, мещане, купцы, рядовые казаки. Почетным председателем Совета и почетным сотрудником музея был Наказной атаман. С 1909 г. эти функции выполнял начальник Кубанской области М. П. Бабыч (1844-1918), потомственный кубанский казак. Почетными общественными сотрудниками становились только по специальному разрешению Наказного атамана. Списки сотрудников ежегодно публиковались в газете «Кубанские областные ведомости». Тем, кто дарил музею предметы старины, выдавался почетный диплом. Почетные сотрудники наблюдали за охраной памятников культуры в области. Особенно плодотворную работу вели активисты в Таманском и Майкопском отделах, богатых курганами, дольменами, городищами. Почетные сотрудники из казаков, находясь на службе в различных уголках России и за ее пределами, старались приобретать и в последующем дарить музею предметы старины. Так, были сформированы уникальные коллекции Войскового музея, выходящие даже за рамки областного значения. Украшением музея стали коллекции русских головных уборов XVIII – первой половины

XIX в., китайские и японские ювелирные украшения, народные музыкальные инструменты из Персии, Грузии, Турции, Украины; редкие документы и фотографии [8].

Одиннадцать лет войсковой старшина кубанский историк И. Е. Гладкий нес ответственную службу в музее. Благодаря его стараниям инициировалась деятельность местных властей по совершенствованию законодательной базы охраны памятников культуры. Успешное формирование местного законодательства в значительной степени зависело от позиции областной администрации. Здесь свою четкую линию проводил атаман кубанского казачьего войска, начальник Кубанской области М. П. Бабыч. «Наш кошевой батько, - пишет кубанский историк И. Е. Гладкий, - генерал-лейтенант Михаил Павлович Бабыч, всемерно радеющий о пользе и славе родного ему по духу и плоти славного Кубанского казачества, после принятия с Высочайшего соизволения Атаманской булавы, в числе многих забот не проминул также обратит своего взора и на слабую постановку дела в Кубанской области и в отношении охраны памятников старины, что и выразил в ... своих горячих призывах ко всем обывателям области, приглашая всемерно щадить памятники старины...» [25, с. 11]. Гладкий поднял вопрос сохранения исторических памятников на колоссально высокий по тому времени уровень. На Кубани были приняты документы, предусматривающие самые разнообразные меры по предотвращению самовольных раскопок, кладоискательства, незаконной торговли старинными предметами. Местным законодательством предусматривались денежные штрафы, дисциплинарные взыскания, лишение казачьего звания и даже высылка из области.

По инициативе кубанского историка, заведующего Кубанским войсковым музеем И. Е. Гладкого, издаются приказы и циркуляры по Кубанской области, издается циркуляр Начальника Кубанской области и Наказного Атамана Кубанского казачьего войска. Так, 20 сентября 1912 г. издается циркуляр № 470, где были рассмотрены меры по предотвращению хищнических раскопок курганов и городищ и о пресечении вывоза исторических ценностей за границу; и приказ за № 376

от 2 августа 1912 г. о наказании участников хищнического разрытия курганов в станице Тульской Майкопского отдела.

Своим циркуляром № 114 от 20 марта 1912 г. начальник Кубанской области дает разъяснение в ответ на обращения «о выдаче свидетельств на право разрытия курганов, откосов берегов рек и оврагов для извлечения предметов старины». Представлено свое видение понятию «памятник старины» как «государственное достояние, составляющее предмет особого изучения». Устанавливается порядок раскопок: «Раскопки должны вестись не на скорях и тем более не украдкой, а с особую осторожностью, осмотрительностью, с особым вниманием и предварительным изучением местности, с описанием, измерением мест работы и заключением всего чертежами, рисунками и фотографическими снимками.

Порядок раскопок... должен уподобляться ведению судебного следствия, чтобы ничто не ускользнуло от внимания исследователя. Поэтому к производству раскопок могут допускаться только лица с серьезною теоретической и практической подготовкою: лица, знакомые с производившимися исследованиями, могущие различать почвы, породы камней, металлов, лица, имеющие практические сведения о строительных материалах, орудиях и архитектурных приемах, наконец, могущие рисовать, фотографировать, производить нивелировку и т. п. и к тому же с достаточными материальными средствами».

Циркуляром за № 58 от 26 января 1909 г. была поставлена цель «приведения в известность всех исторических памятников, сохранившихся в пределах Кубанской области».

В циркуляре № 209 от 13 мая 1910 г. были предложены меры по сохранению памятников и предотвращению их уничтожения. Ценным в обращении начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска было обращение внимания к опыту горских народов по сохранению памятников старины. «Русским, - писал Бабыч, - следовало бы подражать черкесам, которые свято почитая могилы своих предков и родителей, не коснулись ни греческих церквей, ни дольменов, ни курганов. Русские же не только разрывают курганы, варварски уничтожали дольмены и начали разбивать в горных пещерах сталакти-

ты и сталагмиты, уничтожая красоту природы и забывая даже входы в пещеры» [25, с. 7].

Циркуляр № 322 от 4 августа 1908 г. посвящен проблеме сохранения дольменов, которые местными жителями разбирались на постройку и изготовление жернов.

От атаманов отделов были затребованы списки дольменов, сохранившихся в целостности, а также отдельные списки разрушенных дольменов. В списках содержались следующие сведения: где стоит дольмен, на каком расстоянии от станицы и от дороги, какой он формы, из скальных ли камней он сложен, сохранилась в самом дольмене или по преданию, что в них находили и, наконец, указывалось, возможно, ли перевезти дольмен в ближайшую станицу или город.

Предлагалось разрушенные дольмены сберегать на месте. Наблюдение за их состоянием поручалась добровольцам или жителям ближайшего населенного пункта. Втулки рекомендовалось хранить при станичных правлениях или в школах. Предполагалось в целях сбережения дольменов перевезти наиболее типичные образцы в школьные дворы ближайших станиц, установить отдельные дольмены в городских парках, изготовить модели дольменов в соотношении 1 к 3 для установления в Кубанском и естественно-историческом музее.

«Станичным атаманам и сельским старшинам тех поселений, где имеются дольмены, - предписывал наказной атаман, - вменяю в обязанность циркуляр этот прочесть на сборах и внушить жителям, чтобы они свято сберегали дольмены и курганы, гробницы которых, к стыду населения, до сих пор разрушаются и расхищаются ворами-кладоискателями. К могилам мертвых следует относиться с уважением, а оберегать всякие могилы закон обязывает каждого и карает как гробокопателей, так и кладоискателей».

Конечно, было бы наивно полагать, что одними циркулярами и приказами можно было решить эту сложную проблему.

По инициативе особой комиссии под председательством начальника Кубанской области был разработан комплекс мер по моральному поощрению наиболее ревностных хранителей памятников культуры. Для тех, кто передавал памятники культуры на хранение

в музей, были разработаны меры морального поощрения. Так, экспозиции, составленные на основе переданных музеем коллекций, дополнялись специальной витриной с портретом жертвователя и его биографией. За особые труды по собиранию и сохранению памятников старины выдавались установленные образца благодарственные свидетельства за подписью Наказного атамана.

Самим И. Е. Гладким издавались специальные брошюры («Важное значение памятников седой старины» (Екатеринодар, 1916); «Хищнические раскопки близ станицы Таманской, Кубанской области» (1918) и «Открытие саркофага в кургане Лысой горы» (Екатеринодар, 1916). Отдельной книгой он издает приказы и распоряжения атамана М. П. Бабыча о сохранении памятников старины. Они печатались большими тиражами и рассылались в станицы, гимназии, школы, дарились посетителям музея. В документах особое внимание уделялось сохранению памятников в Таманском и Майкопском отделах. Здесь имелись обильные остатки материальной культуры разных народов. Е. И. Гладкий осуществлял деятельное сотрудничество по охране памятников культуры с интеллигенцией этих отделов.

И. Е. Гладкий продолжил плодотворную традицию, заложенную Е. Д. Фелицыным по привлечению к охране памятников культуры Кубани широкой общественности. В его бытность большая часть экспонатов музея поступала как пожертвования от частных лиц, коллекционеров. И. Е. Гладким к работе по охране памятников культуры был привлечен значительный коллектив внештатных сотрудников, который состоял из чиновников, учителей, священников, казаков, мещан и даже полицейских.

По инициативе Гладкого даже за незначительный экспонат, переданный в дар музею, дарителю объявлялась благодарность атамана. Информация о дарителе печаталась в газетах. В самом музее оформлялись красочно выполненные почетные дипломы за подаренные музею предметы старины. Помимо основной экспозиции в музее создавались специальные витрины и каталоги дарителей с подробным описанием их коллекций. В 1912 г. таких дипломов было выдано 46 [5, с. 12-15]. В 1911-1913 гг. в витринах музея экспониро-

вались дары кубанцев: крестьянина станицы Калниболотской Константина Мазаева, казаков Алексея Корсун, Аулова, Заики, полковника Маковкина, есаула Гречишкина [3, с. 67-71]. Среди общественных сотрудников Войскового музея были и представители черкесской интеллигенции и других горских народов. В 1912 г. адыг Н. Токов преподнес в дар музею предметы быта горских народов Кубани, за что получил благодарность атамана М. П. Бабыча. И это не единичные примеры [2].

Благодаря кропотливой работе кубанских историков по сохранению культурного наследия, отдельные частные коллекции становились достоянием Кубанского войскового музея. Показательна в этом отношении деятельность кубанского историка К. Т. Живило. Его связывала тесная дружба с кубанским историком и основателем Кубанского Войскового музея Е. Д. Фелицыным. По инициативе последнего К. Т. Живило проводил ряд археологических раскопок и собирал предметы старины для музея. Длительные годы он трудился в музее на общественных началах.

В 1908 г. Кубанский войсковой музей отделяется от Статкомитета и получает статус самостоятельного научно-просветительного учреждения. Живило назначают заведующим музея. Став «чутким продолжателем идей инициатора и строителя музея Е. Д. Фелицына», он выступает с рядом инициатив, направленных на совершенствование работы по охране памятников культуры края. Он вступает в переписку с крестьянином станицы Калниболотской, обладателем солидной коллекции предметов старины Константином Ивановичем Мазаевым [5, с. 22-23]. Его покойный отец Иван Иванович Мазаев был большим любителем старины, собирал редкие предметы и, по сути, сумел организовать свой частный музей. К. Т. Живило приглашает Константина Ивановича в Екатеринодар и убеждает подарить коллекцию Войсковому музею. 17 января 1909 г. К. Мазаев пишет письмо Наказному атаману М. П. Бабычу: «Родной мой отец, любя русскую старину, затратив много средств на приобретение оружия, предметов древностей, панцирей, булавы польской и Богдана Хмельницкого, пушки чугунной и прочих вещей. Желая увековечить память отца Ивана Ивановича Мазаева, умершего в 1905 г., я желаю

все старинные вещи, целый музей, подарить в Кубанский Войсковой этнографический и естественноисторический музей...» [1].

В феврале 1909 г. в войсковой музей поступает 201 экспонат. В музее была устроена специальная выставка дарителя Мазаева. Эти предметы были оценены владельцем в огромную по тем временам сумму 15 тысяч рублей. В благодарности Наказного атамана Бабыча говорилось: «Да послужит патриотический дар К. И. Мазаева Кубанскому музею добрым примером для тех наших казаков, у которых до сих пор празднично хранятся исторические и ценные для общества вещи. Да последуют примеру Мазаева и принесут все ценное в родной музей, где каждый осмотрит памятники старины, вспомнит подвиги дедов и поймет великое значение памятников прошедших веков и воспитание патриотического чувства у современного поколения» [1]. К. И. Мазаеву были выданы наказным атаманом благодарственное свидетельство за № 11 и дипломом за № 2 на звание Почетного члена Кубанского музея, а также пожалована серебряная медаль с надписью «За усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте. Позже ему было присвоено звание Почетного гражданина города Екатеринодара [7, с. 7-8].

В 1909 г. К. Т. Живило предлагает создать в Екатеринодаре постоянно действующую этнографическую выставку. Ему удается заинтересовать администрацию области. В октябре того же года начальником Кубанской области и Наказным атаманом Кубанского Казачьего войска издается циркуляр. В этом документе определены цели выставки и определены мероприятия по подготовке выставки. Выставка планировалась как постоянная. Организация выставки имела целью создать в Екатеринодаре этнографический музей под открытым небом. На отведенной под выставку территории были перенесены подлинные жилые и хозяйственные постройки, характерные для черноморских и линейных станиц Кубанского края, жилища адыгов. Кроме демонстрации предметов традиционной материальной культуры на выставке широко был представлен фольклор народов населяющих край. Участники фольклорных коллективов показали мастерство игры на музыкальных инструментах. Многие народные музыкальные инструменты

– бандуры, волынки, гармоники – поступили в фонды войскового музея. Из многих станиц области сюда были привезены старинные предметы быта, холодное оружие, мундиры конвоя императора Александра III, черкески и бешметы XIX в., сельскохозяйственные орудия труда².

К. Т. Живило был одним из первых организаторов на Кубани экскурсионного дела. В начале XX в. он организует экскурсии и поездки, учащих в Екатеринодар, Горячий ключ, Тамань для знакомства с природой и древностями края. И сегодня большой интерес представляет его книга «Экскурсия на Таманский остров. Июнь 1908 года», изданная в Анапе, и доклад, на ее основе, опубликованный в Кубанском сборнике. Эти материалы содержат подробное описание истории находки знаменитого Тмутараканского камня, описание древних памятников Тамани, создания Покровской церкви [12, с. 483-484].

Итак, история становления и развития охраны памятников культуры и истории на Кубани тесно связана с деятельностью кубанских историков. Здесь условно можно выделить два периода. Первый период – с девяностых годов XVIII в. до окончания Кавказской войны. Он связан, прежде всего, с именами К. Россинского, И. Попки и др. В это время впервые проявляется осознанное стремление к сохранению остатков материальной культуры прошлых эпох, ведутся археологические изы-

скания, их описание и публикация материалов исследования. Полномасштабному становлению дела охраны памятников культуры в регионе в этот период препятствовала война, в то время шедшая на Кавказе. Не совершенной была законодательная база. Отсутствовало кадровое обеспечение этой работы.

Второй период – с 1864 г. по 1917 г. – связан с именами кубанских историков Е. Д. Фелицына, К. Т. Живило, И. Е. Гладкого, В. М. Сысоева, П. П. Короленко и других. Усилиями этих представителей исторической науки удалось поставить дело охраны памятников культуры региона на государственную основу. По их инициативе и при участии была разработана местная законодательная база, которая во многом опережала и дополняла российское законодательство по данному вопросу. Кубанскими историками в деле охраны памятников культуры использовались разнообразные методы просветительской работы: лекции, издание популярных брошюр, экскурсии, публикации в периодической печати, музейные экспозиции и т. д. Им удалось привлечь к работе по охране памятников широкий круг добровольных помощников. Ими были разработаны меры морального поощрения активистов. Опыт, накопленный кубанскими историками в исследуемый период, может быть с успехом использован и в наши дни в деле охраны памятников истории и культуры.

Использованная литература:

1. Архив Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына. Дело Кубанского войскового музея за 1909 г.
2. Архив Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына. Дело Кубанского войскового музея за 1912 г.
3. Архив Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына. Дело Кубанского войскового музея за 1912-1913 г.
4. Архив Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына. КМ-2109.
5. Архив Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына. Отчет Кубанского Войскового музея. 1910-1912 гг.

² Эти коллекции и в настоящее время составляют гордость КГИАМЗ

References:

1. Archives of Krasnodar State Historical and Archaeological Memorial Museum Reserve (AKGIAMZ), Delo Kubanskogo voyskovogo muzeya za 1909 god (File on the Kuban Troop Museum of 1909).
2. Archives of Krasnodar State Historical and Archaeological Memorial Museum Reserve (AKGIAMZ), Delo Kubanskogo voyskovogo muzeya za 1912 god (File on the Kuban Troop Museum of 1912).
3. Archives of Krasnodar State Historical and Archaeological Memorial Museum Reserve (AKGIAMZ), Delo Kubanskogo voyskovogo muzeya za 1912-1913 god (File on the Kuban Troop Museum of 1912-1913)
4. Archives of Krasnodar State Historical and Archaeological Memorial Museum Reserve (AKGIAMZ), КМ-2109.
5. Archives of Krasnodar State Historical and Archaeological Memorial Museum Reserve (AKGIAMZ), Otchet Kubanskogo Voyskovogo muzeya. 1910-1912 gody (Report of the Kuban Troop Museum of 1910-1912).
6. Archives of Krasnodar State Historical and Archaeological Memorial Museum Reserve (AKGIAMZ), Otchet o deyatel'nosti Kubanskogo voyskovogo muzeya. 1879-1911

6. Архив Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына. Отчет о деятельности Кубанского войскового музея. 1879-1911 гг. КМ-426.
7. Архив Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына. Отчет по Кубанскому Войсковому музею за 1909 г.
8. Архив Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына. Отчеты Войскового музея. 1911-1917 г.
9. Гедеон (Докукин). История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. Москва-Пятигорск: б/и, 1992.
10. Горожанина М. Ю. Краеведческие труды К. В. Россинского // Вторые кубанские литературно-исторические чтения: м-лы науч.-теорет. конф. / Науч. ред. В. К. Чумаченко, Краснодар: Краснодарский государственный университет культуры и искусств, 2000.
11. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 721. Оп. 1. Д. 184. Л. 9.
12. Живило К. Экскурсия на Таманский остров (Июнь 1908 года) // Кубанский сборник. Т. 14. Екатеринбург, 1909. С. 475-490.
13. Запесоцкий А. С. Дмитрий Лихачев и русская интеллигенция: к 100-летию со дня рождения академика Д. С. Лихачева // Нева. 2006. № 11. С. 129-140.
14. Захаров В. Где жил М. Ю. Лермонтов в Тамани // 20 лет музею М. Ю. Лермонтова в Тамани. Тамань: б/и, 1996.
15. Золотарева Н. А. О судьбе памятника Екатерины II в г. Краснодаре // Вторые кубанские литературно-исторические чтения: м-лы науч.-теорет. конф. / Науч. ред. В. К. Чумаченко, Краснодар: Краснодарский государственный университет культуры и искусств, 2000.
16. Каменецкий И. С. Из истории охраны памятников на Кубани // Археологический бюллетень. 1992. № 4 (20). С. 2-5.
17. Корсакова Н. А., Науменко В. В. Е. Д. Фелицын – летописец земли кубанской. Краснодар: Краснодарский государственный университет культуры и искусств, 1999.
18. Кубанские областные ведомости. 1879. 18 мая.
19. Кубанские областные ведомости. 1882. № 13-14.
20. Кубанские областные ведомости. 1899. № 192.
21. Кубань православная-первозванная. Тамань-Краснодар: Платонов, 2000.
22. Латорцев А. П. Возникновение музеев на юге России // Творческое наследие Ф. А. Щербинины и современность: тез. докл. и сообщ. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения Ф. А. Щербинины (22-24 сентября 1999 г. ст-ца Каневская, Краснодарский край). Краснодар: б/и, 1999. С. 198-201.
23. Лихачев Д. С. О русской интеллигенции. Письмо в редакцию // Новый мир. 1993. № 2. С. 3-9.
24. Мариньи Тебу де. Находки древностей на абхазском берегу и около Кубани // Записки Одесского императорского общества истории и древностей. Т. 1. Одесса: гор. тип., 1844. с. 628-630.
25. О сохранении памятников старины: циркуляры и приказы Начальника Кубанской области и Наказного Атамана Кубанского казачьего войска. Краснодар: Краснодарский государственный университет культуры и искусств, 1999.
26. Gedyon (Dokukin), *Istoriya khristianstva na Severnom Kavkaze do i posle prisoedineniya ego k Rossii* (The History of Christianity in the North Caucasus Before and after Its Annexation to Russia), Moskva-Pyatigorsk: no publ., 1992.
27. Gorozhanina, M. Yu., *Kraevedcheskie trudy K. V. Rossinskogo* (Local History Works of Kirill V. Rossinsky), in *Vtorye kubanskie literaturno-istoricheskie chteniya* (The 2nd Kuban Literary and Historical Readings): *Proc. Sci-Theoretical Conf.*, Chumachenko, V. K., Ed., Krasnodar: Krasnodarskiy gosudarstvennyy universitet kul'tury i iskusstv, 2000.
28. *State Archives of the Krasnodar Region (GAKK)*, Fund 721, Inventory 1, File 184, Sheet 9.
29. Zhivilo, K., *Ekskursiya na Tamanskiy ostrov* (Excursion to the Taman Island (June 1908)), in *Kubanskiy sbornik*, Ekaterinodar, 1909, vol. 14, pp. 475-490.
30. Zapesotskiy, A. S., *Dmitriy Likhachev i russkaya intelligentsiya: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika D. S. Likhacheva* (Dmitry Likhachev and the Russian Intelligentsia: to the 100th Anniversary of the Birth of Academician D. Likhachev), *Neva*, 2006, no. 11, pp. 129-140.
31. Zakharov, V., *Gde zhil M. Yu. Lermontov v Tamani* (Where Did Mikhail Lermontov live in Taman), in *20 let muzeyu M. Yu. Lermontova v Tamani*. Taman': no publ, 1996.
32. Zolotareva, N. A., *O sud'be pamyatnika Ekateriny II v g. Krasnodare* (On the Fate of the Monument of Catherine II in Krasnodar), in *Vtorye kubanskie literaturno-istoricheskie chteniya* (The 2nd Kuban Literary and Historical Readings): *Proc. Sci-Theoretical Conf.*, Chumachenko, V. K., Ed., Krasnodar: Krasnodarskiy gosudarstvennyy universitet kul'tury i iskusstv, 2000.
33. Kamenetskiy, I. S., *Iz istorii okhrany pamyatnikov na Kubani* (From the History of the Protection of Monuments in the Kuban Region), *Arkheologicheskiy byulleten'*, 1992, no. 4 (20), pp. 2-5.
34. Korsakova, N. A. and Naumenko, V. V., *E. D. Felitsyn - letopisets zemli kubanskoj* (Evgeny D. Felitsyn - the Chronicler of the Kuban Land), Krasnodar: Krasnodarskiy gosudarstvennyy universitet kul'tury i iskusstv, 1999.
35. *Kubanskiye oblastnyye vedomosti* (Kuban Regional Bulletin), May 18, 1879.
36. *Kubanskiye oblastnyye vedomosti* (Kuban Regional Bulletin), 1882, no. 13-14.
37. *Kubanskiye oblastnyye vedomosti* (Kuban Regional Bulletin), 1899, no. 192.
38. *Kuban' pravoslavnaya-pervozvannaya* (Kuban, the Orthodox and First-Called). Taman'-Krasnodar: Platonov, 2000.
39. Latortsev, A. P., *Vozniknovenie muzeev na yuge Rossii* (The Emergence of the Museums in the South of Russia) // *Tvorcheskoe nasledie F. A. Shcherbiny i sovremennost'* (Creative Heritage of Fedor A. Shcherbina and the Modernity): *Short. Rep. Int. Sci-Pract. Conf. Dedicated to the 150th Anniversary of the*

зачьего войска, правила о Кубанском войсковом музее и о библиотеке. Екатеринодар: Кубанский войсковой этнографический и естественно-исторический музей, 1913.

26. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / Отв. ред. В. Н. Ратушняк. Краснодар: Советская Кубань, 1996.

27. Самоквасов Д. Я. О заслугах Фелицына // Труды V археологического съезда в Тифлисе. М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1887. С. 55-56.

28. Сысоев В. М. Археологические экскурсии по Закубанью в 1892 г. // Материалы по археологии Кавказа. 1904. Т. IX. С. 89-169.

29. Сысоев В. М. Фелицын Е. Д., Краткий указатель археологических, естественноисторических и этнографически-промышленных вещей и предметов, имеющих при Кубанском областном статистическом Комитете // Кубанский сборник. Т. 4. 1898. 15 паг. С. I-VI; 16 паг. С. 1-45.

30. Фелицын Е. Д. Сефер-Бей Зан — политический деятель и поборникнезависимости черкесского народа // Кубанский сборник. Т. 10. 1904. С. 1-171.

31. Фелицын Е. Д. Численность горских и других мусульманских народов Кубанской области с распределением их по месту жительства и с показанием племенного состава жителей каждого аула // Сборник сведений о Кавказе. Т. IX. Тифлис. 1885. С. 51-99.

32. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Т. 1. История края. Екатеринодар: Тип. Кубан. обл. правл., 1910.

33. Энциклопедический словарь по истории Кубани. С древнейших времен до октября 1917 г. / Под ред. Б. А. Трехбрата. Краснодар: Эдви, 1997.

34. Milner-Gulland R. Dmitrii Sergeevich Likhachev (1906-1999) // Slavonica: a twice-yearly publication on the languages, literatures, history and culture of Russia and Central and Eastern Europe. Sheffield, 2000. Vol. 6. № 1. P. 141-150. XXX.

Birth of Fedor Shcherbina (22-24 September, 1999, Kanevskaya stanitsa, Krasnodar Region), Krasnodar: no publ., 1999, pp. 198-201.

23. Likhachev, D. S., O russkoy intelligentsii. Pis'mo v redaktsiyu (On the Russian Intelligentsia. Letter to the Editor), *Novyy mir*, 1993, No. 2, pp 3-9.

24. Marigny, Taitbout de, Nakhodki drevnostey na abkhazskom beregu i okolo Kubani (Finds of Antiquities on the Abkhazian Shore and Near the Kuban River) // *Zapiski Odesskogo imperatorskogo obshchestva istorii i drevnostey*, Odessa: gorodskaya tipografia, 1844, vol. 1, pp. 628-630.

25. O sokhraneni pamyatnikov stariny: tsirkulyary i prikazy Nachal'nika Kubanskoy oblasti i Nakaznogo Atamana Kubanskogo kazach'ego voyska, pravila o Kubanskom voyskovom muzee i o biblioteke (On the Preservation of Monuments of Antiquity: Circulars and Orders of the Chief of the Kuban Region and the Appointed Ataman of the Kuban Cossack Host, Rules on the Kuban Troop Museum and the Library), Ekaterinodar: Kubanskiy voyskovoy etnograficheskiy i estestvenno-istoricheskiy muzey, 1913.

26. *Ocherki istorii Kubani s drevneyshikh vremen po 1920 god* (Essays on the History of the Kuban from the Ancient Times to 1920), Ratushnyak V. N., Ed., Krasnodar: Sovetskaya Kuban', 1996.

27. Samokvasov, D. Ya., O zaslugakh Felitsyna (On the Merits of Felitsyn), in *Trudy Pyatogo arkheologicheskogo s'ezda v Tiflise*, Moscow: Tipografia A. I. Mamontova i Ko, 1887, pp. 55-56.

28. Sysoev, V. M., Arkheologicheskie ekskursii po Zakuban'yu v 1892 god (Archeological Excursions to the Trans-Kuban in 1892), in *Materialy po arkheologii Kavkaza*, 1904, vol. 9, pp. 89-169.

29. Sysoev, V. M. and Felitsyn, E. D., Kраткий указатель археологических, естественноисторических и этнографически-промышленных вещей и предметов, имеющихся при Кубанском областном статистическом Комитете (A Brief Index of Archaeological, Natural Historical and Ethnographic-Industrial Things and Items Available at the Kuban Regional Statistical Committee), in *Kubanskiy sbornik*, 1898, vol. 4, 15 pag., pp. I-VI; 16 pag., pp. 1-45.

30. Felitsyn, E. D., Sefer-Bey Zан – politicheskiy deyatel' i poborniknezavisimosti cherkesskogo naroda (Sefer-Bay Zan as a Political Figure and a Proponent of Independence of the Circassian People), in *Kubanskiy sbornik*, 1904, vol. 10, p. 1-171.

31. Felitsyn, E. D., Chislennost' gorskikh i drugikh musul'manskikh narodov Kubanskoy oblasti s raspredeleniem ikh po mestu zhitel'stva i s pokazaniem plemennogo sostava zhiteley kazhdogo aula (The Number of Mountain and Other Muslim Peoples of the Kuban Region with Their Distribution in the Place of Residence and with the Indication of the Ethnic Composition of the Inhabitants of Each Aul), in *Sbornik svedeniy o Kavkaze*, Tiflis, 1885, vol. 9, pp. 51-99.

32. Shcherbina, F. A., *Istoriya Kubanskogo kazach'ego voyska* (The History of the Kuban Cossack Host), vol. 1: *Istoriya kraya* (The History of the Region). Ekaterinodar: Tipografia Kubanskogo oblastnogo pravleniya, 1910.

33. *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii Kubani. S drevneyshikh vremen do oktyabrya 1917 goda* (Encyclopedic Dictionary of the History of Kuban. Since the Ancient Times till October 1917), Trekhbratov, B. A., Ed., Krasnodar: Edvi, 1997.

34. Milner-Gulland, R., Dmitrii Sergeevich Likhachev (1906-1999), *Slavonica: a twice-yearly publication on the languages, literatures, history and culture of Russia and Central and Eastern Europe*, Sheffield, 2000, Vol. 6, no. 1, pp. 141-150.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Науменко, В. Е. Деятельность кубанских историков по охране культурного наследия региона (XIX – начало XX века) / В. Е. Науменко // Наследие веков. – 2016. – № 3. – С. 44–60. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/09/2016_3_Naumenko.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Naumenko, V. E., Deyatel'nost' kubanskikh istorikov po okhrane kul'turnogo naslediya regiona (XIX – nachalo XX veka) (Activity of the Kuban Historians on the Protection of the Region's Cultural Heritage in the 19 – the Early 20th Century), *Nasledie Vekov*, 2016, no. 3, pp. 44–60. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/09/2016_3_Naumenko.pdf. Accessed Month DD, YYYY.